

V. ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА

18

Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы)*

А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, Л. Е. Гринин

Авторы настоящей статьи исходят из идеи, что для каждого уровня сложности социальной эволюции можно выявить определенные альтернативы развития. Разные социальные и политические формы длительное время сосуществовали, конкурировали между собой, причем для ряда особых экологических и социальных ниш немагистральные в ретроспективе линии, модели и варианты могли оказаться более конкурентоспособными и адекватными, чем те, которые впоследствии стали преобладающими. Поэтому утверждение о каком-либо неизбежном результате эволюции обычно бывает верным только в самом общем плане (и только при соблюдении определенных условий), когда его представляют как итог длительной конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообразным экологическим условиям и т. п. Но для каждого общества в отдельности такой результат мог и не быть неизбежным.

Эволюционистам всегда было свойственно сравнивать социальную эволюцию с биологической, каковой она представлялась в первую очередь Чарльзу Дарвину¹. Но кажется возможным и правильным провести аналогию и с другим великим открытием в области эволюционной биологии, а именно с гомологическими рядами Николая Вавилова (1921; 1927; 1967). Однако культурный параллелизм и биологические гомологические ряды не совсем тождественны. Вавилов изучал морфологическую гомологию, тогда как нас интересует функциональный аспект в сфере социальной эволюции. Несомненно, в процессе социальной эволюции морфологический гомоморфизм также имеет место (например, на Гавайских островах, где тип социокультурной организации, удивительно похожий на организацию других высокоразвитых частей Полинезии, сформировался относительно независимо к концу XVIII в. [Sahlins 1972 [1958]; Goldman 1970; Earle 1978; Johnson, Earle 2000; Seaton 1978]). Однако эта тема лежит вне проблематики данной статьи.

* Первый вариант статьи опубликован в журнале «Social Evolution & History», июль 2002, т. 1, № 1, с. 54–79, на английском языке под названием «Alternative Pathways of Social Evolution». На русском языке статья была опубликована в 2006 г.: Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006. Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 15–36. Волгоград: Учитель. Настоящая публикация представляет собой существенно измененный и дополненный вариант этого издания.

¹ См., например: Hallpike 1986; Pomper, Shaw 2002; Mesoudi *et al.* 2006; Aunger 2006; Barkow 2006; Blackmore 2006; Mulder *et al.* 2006; Borsboom 2006; Bridgeman 2006; Cronk 2006; Dennett, McKay 2006; Fuentes 2006; Kelly *et al.* 2006; Kincaid 2006; Knudsen, Hodgson 2006; Lyman 2006; Mende, Wermke 2006; O'Brien 2006; Pagel 2006; Read 2006; Reader 2006; Sopher 2006; Tehrani 2006; Wimsatt 2006; см. подробнее о такого рода сравнениях, а также наши собственные идеи относительно сходств и различий между социальной и биологической эволюцией: Гринин, Коротаев 2007а; 2009; Гринин, Марков, Коротаев 2008: 145–152; 2009. Заметим, кстати, что в отношении понимания эволюции все еще распространено спенсеровское видение ее как «движения от несвязанной однородности к связанной разнородности» (Spencer 1972 [1862]: 71)

В данном случае для нас важно наличие, по нашему мнению, оснований полагать, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития.

Эти траектории могли возникать одновременно (причем еще до появления *Homo sapiens sapiens* [Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1994; Butovskaya 2000; Butovskaya, Korotayev, Kazankov 2000]), а их количество возрастало на почти всем протяжении социокультурной эволюции (Павленко 1996: 229–251; 2000). Многообразие можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок эволюционного процесса. Это предполагает, что переход к любому качественно более высокому уровню социокультурной сложности обычно невозможен без достаточного уровня социокультурного разнообразия на предыдущем уровне сложности (среди как предшественников данной культуры, так и ее современников)².

На начальном уровне анализа все эволюционное многообразие может быть сведено к двум принципиально разным группам гомологических рядов (Бондаренко 1997: 12–15; Бондаренко, Коротаев 1999; Bondarenko 1998; 2000b; Bondarenko, Korotayev 2000b; Коротаев и др. 2000). Ранее эти альтернативы определялись либо как «иерархические» и «неиерархические» (см., например: Bondarenko, Korotayev 2000a), либо «иерархические» и «гетерархические» (см., например: Ehrenreich *et al.* 1995; Crumley 2001).

В одной из публикаций, посвященных проблеме гетерархии, последняя определяется как «... отношение элементов друг к другу, при которых они либо не ранжированы, либо существует несколько потенциально возможных вариантов ранжирования» (Ehrenreich *et al.* 1995: 3; см. также: Crumley 1979: 144). Ясно, что второй вариант гетерархии более релевантен для изучения сложных обществ.

Однако когда речь идет об элементах, для которых «существует несколько потенциально возможных вариантов ранжирования», кажется невозможным говорить об отсутствии иерархии. В этом случае мы скорее имеем дело с системой гетерархически организованных иерархий. Следовательно, кажется нецелесообразным определять альтернативу гетерархии как «иерархию». Мы предлагаем обозначить ее как «гомоархию», которую можно определить как *взаимоотношения элементов, обладающих только одним потенциальным вариантом ранжирования*. Тоталитарные режимы всех времен дают нам множество примеров такой социокультурной ситуации, когда у управляемых нет шансов занять положение над правителями ни при каких обстоятельствах. Это резко контрастирует, скажем, с классическим примером сложной гетерархической системы – афинской гражданской общиной (*полисом*) V–IV вв. до н. э., где граждане, занимающие более низкое положение в рамках одной иерархии (например, военной), вполне могли занять более высокую позицию во многих других возможных отношениях (например, экономически или в подсистеме гражданских/религиозных магистратур). Следовательно, нельзя сказать, что один гражданин был выше другого в каком-то абсолютном смысле.

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что невозможно найти не только какую-либо культуру, где бы полностью отсутствовали любые иерархические отношения (включая неформальные), но и любую культуру, которая была бы полностью гомоархичной. Следовательно, в настоящей статье мы говорим только о гетерархиче-

² Это можно выразить и как *правило достаточного разнообразия* (см.: Гринин, Марков, Коротаев 2008: 68–71).

ской и гомоархической траекториях развития для упрощения нашего анализа; по сути, здесь мы имеем дело с осью «гетерархия – гомоархия», на которой можно поместить все известные человеческие культуры. В рамках подобного ряда не существует какой-либо четкой границы между гомо- и гетерархическими культурами; значит, на самом деле уместно говорить не только о двух траекториях развития (гетерархической и гомоархической), но и о потенциально бесконечном количестве таких путей, и, значит, в конце концов не об эволюционных путях, а скорее о целом эволюционном вероятностном поле (подробнее см.: Коротаев 1992; 1999; 2003; Коротаев и др. 2000; Kogotaev 2004). Все же, как упоминалось выше, в целях упрощения анализа мы говорим только о двух альтернативных путях.

В частности, до сравнительно недавнего времени считалось само собой разумеющимся, что именно формирование государства ознаменовало конец первобытной эпохи и никаких реальных альтернатив государству не существовало³. Все безгосударственные общества рассматривались как догосударственные, стоящие на единой эволюционной лестнице на ступень ниже государств. Сегодня постулаты о государстве как единственно возможной форме политической и социокультурной организации постпервобытных обществ, об *априори* более высоком уровне развития государства по сравнению с любым негосударственным обществом подвергнуты жесткой критике. Стало очевидным, что негосударственные общества не обязательно менее сложны и менее эффективны. Заслуживает внимания проблема существования не государственных, но и не первобытных обществ (то есть главным образом негосударственных, но не догосударственных), альтернативных государству (как якобы неизбежной постпервобытной форме социально-политической организации).

Конечно, мы никоим образом не отрицаем факт существования и важности государств в мировой истории. Мы только утверждаем, что государство не является единственно возможной постпервобытной эволюционной политической формой. С нашей точки зрения, это всего лишь одна из многих форм постпервобытной социально-политической организации; эти формы альтернативны по отношению друг к другу и при определенных условиях способны трансформироваться друг в друга без крупных потерь в общем уровне сложности. Следовательно, степень социополитической централизации и «гомоархизации» не является абсолютным критерием оценки уровня развития какого-либо общества, хотя и считается таковым в рамках однолинейных концепций социальной эволюции.

Как писала Е. Брумфил, «связь (социополитической) дифференциации и иерархии столь глубоко укоренилась в нашем сознании, что требуются невероятные умственные усилия, чтобы даже просто представить, как могла бы выглядеть дифференциация без иерархии» (Brumfiel 1995: 130)⁴. Обычно даже если и признается само существование сложных, но не гомоархических культур, то они рассматриваются как историческая случайность, как аномалия. Утверждается, что подобные культуры спо-

³ В рамках этой статьи авторами под государством понимается «...достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением вне зависимости от согласия последнего; и имеющая силы и средства для осуществления своих претензий» (Гринин 1997: 20; см. также: Он же 2000б: 190). См. также иные определения государства и раннего государства (Он же 2007в: 168, 171; Гринин, Коротаев 2009: 198–199, 210).

⁴ См. также фундаментальную критику у М. Манна (Mann 1986), наиболее радикальное негативное отношение к этой схеме выражено через понятие «альтернативности траекторий» социальной эволюции Н. Иоффе (Yoffee 1993), а также в ряде коллективных работ (Patterson, Gailey 1987; Ehrenreich *et al.* 1995; Kradin, Lynsha 1995; Крадин и др. 2000; Bondarenko, Korotayev 2000a) и сборников тезисов международных конференций (см., например: Butovskaya *et al.* 1998; Bondarenko, Sledzevski 2000).

способны достичь лишь довольно низких уровней сложности и что они не способны обрести внутреннюю стабильность (Tuden, Marshall 1972: 454–456).

Таким образом, на следующем уровне анализа дихотомия оказывается отнюдь не жесткой, поскольку в реальной организации любого общества присутствуют как вертикальные (доминирование – подчинение), так и горизонтальные (понимаемые как отношения между равными) связи. Более того, на протяжении своей истории общества (включая архаические культуры) оказываются способными радикально изменять модели социально-политической организации, трансформируясь из гомоархических в гетерархические и наоборот (Коротаев 1995а; 2006б; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Crumley 1987: 164–165; 1995: 4; 2001; Bondarenko, Korotayev 2000с; Dozhdev 2000; Kradin 2000а). Возможно, наиболее известный исторический пример последнего случая – Рим, где республика была установлена и далее демократизировалась политическими победами плебса. Заметим, что в ходе таких трансформаций меняется организационная база, но общий уровень культурной сложности может не только возрасти или снизиться, но вполне способен остаться практически без изменений (например, в древности и Средневековье в Европе, в обеих Америках, Азии; см. об этом: Коротаев 1995а; 1996а; 1996б; 1997; 1998; 2000а; 2000б; 2006б; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; van der Vliet 1987; Ferguson 1991; Korotayev 1995а; 1996; Levy 1995; Lynsha 1998; Beliaev 2000; Chamblee 2000: 15–35; Dozhdev 2000; Kowalewski 2000; Kradin 2000а; Гринин 2007г; 2007д; Grinin 2004b; 2004с).

Тем не менее горизонтальные и вертикальные связи в различных обществах играют разную роль в каждый конкретный момент. Уже среди приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития и даже среди популяций приматов одного вида можно наблюдать и более, и менее гетерархические/гомоархические группы. Таким образом, нелинейность социополитической эволюции возникает уже до формирования *Homo sapiens sapiens* (Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1994; Butovskaya *et al.* 2000).

Теперь остановимся подробнее на одной из наиболее влиятельных и распространенных эволюционных схем – на схеме, предложенной Э. Сервисом (Service 1971 [1962]); ее основные идеи, однако, присутствуют уже в известной статье М. Д. Салинза [Sahlins 1960: 37]): бэнд (локальная группа) – племя – вождество – государство. Данная схема подразумевает, что рост политической сложности (по крайней мере, вплоть до уровня аграрного государства) неизбежно сопровождается ростом неравенства, расслоения, социальной дистанции между правителями и подданными, растущим авторитаризмом и иерархизацией политической системы, снижением политического участия основной массы населения и т. д. Разумеется, эти два набора параметров кажутся достаточно тесно связанными. Очевидно, что здесь мы наблюдаем определенную (и достаточно значимую) корреляцию. Но, несомненно, это лишь корреляция, а ни в коем случае не функциональная зависимость. Конечно, эта корреляция подразумевает совершенно возможную линию социально-политического развития – от эгалитарной акефальной локальной группы через возглавляемую бигмэном деревенскую общину с заметно более выраженным неравенством и политической иерархичностью к «авторитарной» деревенской общине с сильной властью вождя (примеры встречаются среди некоторых индейцев Северо-Западного побережья – см., например: Carneiro 2000), и затем через простые вождества с еще более выраженной стратификацией и концентрацией политической власти в руках вождя к сложным вождествам, в которых политическое неравенство по своим показателям достигает качественно

нового уровня, и, наконец, к аграрному государству, в котором все вышеназванные параметры достигают кульминационного развития (хотя можно эту линию продолжить и дальше, до уровня «империи» [Adams 1975]; см. пример подобной линии: Johnson, Earle 2000: 246, 304). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на каждом последующем уровне политической сложности можно обнаружить очевидные альтернативы данной эволюционной линии.

Начнем с самого простого уровня. Действительно, акефальные эгалитарные локальные группы встречаются среди большинства неспециализированных охотников-собирателей. Однако, как было показано Дж. Вудберном и О. Ю. Артемовой (Woodburn 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова 1987; 1989; 1991; 1993; Чудинова 1981), некоторые из подобных охотников-собирателей (а именно неэгалитарные, к которым относятся прежде всего австралийские аборигены; см. также: Vern 1979) демонстрируют принципиально отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин⁵.

На следующем уровне политической сложности мы снова находим общины как с иерархической, так и с неиерархической политической организацией. Можно вспомнить, например, хорошо известные различия между индейцами северо-запада и юго-востока Калифорнии:

Калифорнийские вожди находились как бы в центре экономической жизни общества, они осуществляли контроль над производством, распределением и обменом общественного продукта... Власть вождей и старейшин постепенно приобретала наследственный характер, что со временем стало типичным явлением для Калифорнии... Только у племен, населявших северо-запад Калифорнии, несмотря на сравнительно развитую и сложную материальную культуру, отсутствовали характерные для остальной Калифорнии четко выраженные социальные роли вождей. Вместе с тем только здесь было известно рабство... Население этого региона имело представление о личном богатстве... Социальный статус человека прямо зависел от количества находившихся в его распоряжении... материальных ценностей... (Кабо 1986: 180).

Здесь можно вспомнить и социокультурно сложные общины ифугао Филиппин (см., например: Barton 1922; Мешков 1982: 183–197), где не было четко выраженного авторитарного политического лидерства, которые находятся в резком контрасте, скажем, с сопоставимыми по уровню общей социокультурной сложности общинами индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

Таким образом, уже на уровне общин с элементарной и средней социокультурной сложностью мы наблюдаем несколько типов альтернативных политических форм, каждую из которых следует обозначать особым термином. Возможные альтернативы

⁵ Дж. Вудберн и О. Ю. Артемова оперируют почти исключительно примерами «неэгалитарных» австралийских аборигенов и аналогичных им по уровню социокультурной сложности «эгалитарных» народов Африки (хадза, бушменов, пигмеев). Однако материалы по ряду обществ других континентов подтверждают, что организация культур одной и той же степени сложности как на гетерархических, так и на гомоархических принципах присуща человечеству начиная с типологически наиболее ранних социумов. Особенно показательны в этом отношении примеры народов, проживающих в одном и том же культурном ареале и имеющих схожие виды хозяйственной деятельности, в частности рыболовов Дальнего Востока – «эгалитарных» ительменов и «неэгалитарных» нанайцев (Крашенинников 1949; Лопатин 1922; также см.: Сем 1959; Смоляк 1970; Крушанов 1990; Шнирельман 1993; Shnirelman 1994; Орлова 1999; Булгакова 2001; 2002; Березницкий 2003; Володин 2003).

вождествам в неолитической Юго-Западной Азии, неиерархические системы сложных акефальных общин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств были проанализированы Ю. Е. Березкиным, который обоснованно предлагает апатани в качестве этнографической параллели (Березкин 1995; Berezkin 1995; 2000). С. А. Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий на юге Аравии в вадии Хадрамаут I тыс. до н. э. (Frantsouzoff 1995; 1997; 2000; Французов 2000).

Один из авторов статьи отмечал (Гринин 2007г), что в качестве политической организации, альтернативной вождеству, по всей видимости, могут рассматриваться и некоторые межплеменные тайные союзы (см., например: Куббель 1988а: 241), а также, скажем, сложные системы возрастных классов, которые позволяли создать прочные горизонтальные связи между отдельными общинами внутри племени и между родственными племенами (о роли такой возрастной системы у некоторых племен нага в горной Северо-Восточной Индии см., например: Маретина 1995: 83; см. также: Калиновская 1976; ван Геннеп 2002 [1909] и т. д.).

В качестве аналога вождества можно рассматривать и организовавшиеся группы и даже племена из различного рода отщепенцев, авантюристов, вольнолюбцев или преступников, не признающих официальной власти, любителей легкой наживы и тому подобных людей (см.: Гринин 2007г). Нередко такие имеющие вооружение сообщества создавались в противовес крепнущей официальной власти нового государства. «Эта выделившаяся часть населения, не признающая законов, вследствие свободы от всякого стеснения законом и установления каких-либо отношений к своему племени, а также и уважения, какое питают к нему самые смелые и наиболее неимущие из соседних племен, часто приобретает большую силу» (Ратцель 1902, т. 1: 445).

Еще одной очевидной альтернативой вождеству выступает племя.

Племя, как известно, было практически исключено из ряда эволюционных моделей (Carneiro 1987: 760; Townsend 1985: 146). Тем не менее политические формы, полностью идентичные тем, что Э. Сервис описывал как племя, на самом деле можно найти, скажем, на Среднем Востоке в Средние века или Новое время (вплоть до наших дней): эти племенные системы обычно состоят из нескольких общин и часто имеют тип политического лидерства, полностью идентичный тому, что был описан Э. Сервисом в качестве типичного для племени (Dresch 1984: 39, 41; Service 1971 [1962]: 103–104).

Существенно, что здесь мы имеем дело с таким типом политики, который невозможно идентифицировать ни с локальной группой, ни с деревенской общиной (потому что подобные племена обычно состоят из нескольких общин), ни с вождеством (потому что для них характерен совершенно иной тип политического лидерства), ни, естественно, с государством. Этот тип политики также непросто вписать в схему где-то между деревенской общиной и вождеством. Конечно, как убедительно показал Р. Карнейро (см., например: Carneiro 1970; 1981; 1987; 1991; 2000), вождества обычно возникали в результате политического объединения нескольких общин под властью единого вождя без предшествующей этому стадии племенной организации. С другой стороны, можно найти большое количество доказательств того, что на Среднем Востоке многие племена возникли в результате политической децентрализации вождеств, хронологически предшествовавших племенам. Важно также подчеркнуть, что это ни в коей мере нельзя назвать «регрессом», «упадком» или «вырождением», так как во многих таких случаях можно наблюдать, как политическая децентрализация сопровождается ростом (а не упадком) общей социокультурной сложности (Коротаев 1995а; 1995б; 1995в; 1995г; 1996а; 1996б; 1997; 1998; 2006а; 2006б; Коротаев, Климен-

ко, Прусаков 2007; Korotayev 1995a; 1996; 2000a; 2000b; Гринин, Коротаев 2009: Гл. 5). Таким образом, во многих отношениях племенные системы ближневосточного типа являются скорее альтернативами вождеств (а не предшествующей ступенью эволюции).

У сложных крупных вождеств также могли быть аналоги. Ими были прежде всего крупные конфедерации или федерации племен. Нередко, однако, низовая структура здесь представляла своего рода вождество, а верхняя – совет племени без постоянного лидера (совет вождей или старейшин). Такова была структура племен у ряда индейских народов. У ирокезских племен была иная система организации: семейно-родовые коллективы возглавляли родовые старейшины (сахемы), входившие в совет племени. Но в ирокезской конфедерации был еще и высший уровень управления – совет Лиги, где были представлены родовые вожди каждого племени (общей численностью 50 человек [см.: Фентон 1978: 122]) и где при принятии решений требовался консенсус. Из-за многочисленности организуемого населения и обеспечиваемого ею особо высокого уровня интегрированности мы относим ирокезскую политическую систему к аналогам (хотя и неполным) уже не вождества, а раннего государства (см. подробнее: Гринин 2007z; Гринин, Коротаев 2009: Экскурс 5). Стоит упомянуть также такие аналоги вождеств, как федерации и конфедерации общин, в том числе, например, у горцев (см., например: Агларов 1988; Коротаев 1995e; 1995z; 2006b; Гринин 2007z).

Ранее мы уже приводили аргументы (Коротаев 1995b; 1995e; Korotayev 1995b), что вообще существует очевидная эволюционная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур (вождество – сложное вождество – государство) в виде развития внутриобщинных структур одновременно с гибкими межобщинными системами, не отчуждающими общинного суверенитета (разнообразными конфедерациями, амфиктиониями и т. д.). Один из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении – греческие полисы (см. работы М. Берента [Berent 1994; 1996; 2000a; 2000b], посвященные обоснованию безгосударственного характера классического греческого полиса), некоторые из которых достигли общего уровня культурной сложности, сопоставимого не только с вождествами, но и с государствами. То же можно сказать и о римском аналоге, *civitas* (Штаерман 1989). Отметим, что как форма социополитической организации полисы были известны за пределами античного мира как хронологически, так и географически (Korotayev 1995b; Бондаренко 1998)⁶.

Племенной и полисный эволюционные ряды образуют, по-видимому, разные эволюционные направления, имеющие свои отличительные черты: полисные формы предполагают власть «магистратов», выбираемых тем или иным путем на фиксированный промежуток времени и контролируемых народом в условиях полного (или почти полного) отсутствия регулярной бюрократии. В рамках племенных систем наблюдается полное отсутствие каких-либо должностей, носителям которых члены племени подчинялись бы только потому, что они являются носителями должностей определенного типа, а поддержание порядка достигается через проработанную систему посредничества и поиска консенсуса.

Существует также значительное число и иных сложных безгосударственных политий (например, политики казаков Украины и южной России вплоть до конца XVII в. [Чиркин 1955; Рознер 1970; Никитин 1987; Штырбул 2006; Гринин 2007z: 179–180],

⁶ Отметим, что последний автор статьи считает большинство греческих полисов и Римскую политику ранним государством особого демократического типа (см.: Гринин 2006e; 2007z; Grinin 2004a; 2004b); однако и в этом случае речь идет о совершенно определенной альтернативе социальной эволюции, о важнейшем альтернативном варианте развития раннего государства. См. также прим. 14.

кельтов V–I вв. до н. э. [Гринин 1997: 32–33; 2006в: 95–96; 2007г: 182–184; Гринин, Коротаев 2009: 435–436; Grinin 2003: 141–142; 2004с: 97–98; 2007а: 173; Крадин 2001: 149] или исландская полития «эпохи народоправства» вплоть до середины XIII в. [Ольгейрссон 1957; Гуревич 1972; Стеблин-Каменский 1984; Хьяульмарссон 2003; Гринин 2006в: 93; 2007г: 179; Гринин, Коротаев 2009: 432; Grinin 2003: 139; 2004с: 95; 2007а: 172]), для обозначения которых пока нет каких-либо общепринятых терминов, а их собственные определения часто слишком специфичны (как, например, *казачье войско*), чтобы иметь хоть какой-то шанс превратиться в общепринятый термин.

В целом известно множество исторических и этнографических примеров политий, которые: а) по размерам, сложности и ряду других параметров существенно превосходили типичные догосударственные образования (вроде простых вождеств, племен, общин); б) не уступали раннегосударственным системам по размерам, социокультурной и/или политической сложности; в) в то же время по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличались от раннего государства (Alexeev *et al.* 2004; Beliaev *et al.* 2002; Bondarenko 1995; 2000а; 2000б; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004; Bondarenko, Korotayev 2000а; 2000с; Bondarenko, Sledzevski 2000; Crumley 1995; 2001; 2005; Grinin 2000; 2002а; 2002б; 2003; 2004с; 2007а; 2007б; Grinin *et al.* 2004; Korotayev 1995б; Kradin *et al.* 2000; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003; Kradin, Lynsha 1995; McIntosh 1999; Possehl 1998; Schaedel 1995; Бондаренко 1995; 2000; 2001; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006; Бондаренко, Коротаев 2002; Гиренко 1993; Гринин 1997–2001 [1997, № 5]; 2001–2006; 2002; 2006б; 2007г; 2007д; 2007е; Гринин и др. 2006; Гринин, Коротаев 2009; Коротаев 1995а; 1995в; 1996а; 1997; 2000а; 2000б; 2006б; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Бондаренко 2002; Попов 1995а; 1995б; 2000; Штырбул 2006).

Такие негосударственные общества, которые можно сравнить с государством по сложности и выполняемым функциям, мы назвали **аналогами раннего государства или альтернативами государству** (Гринин 1997–2001; 2001–2006; 2002; 2006а; 2006б; 2006в; 2006г; 2007а; 2007б; 2007в; 2007г; 2007д; 2008; Гринин, Коротаев 2009; Гринин и др. 2006; Grinin 2000; 2002а; 2002б; 2003; 2004а; 2004б; 2004с; 2007а; 2007б; 2007с; Grinin *et al.* 2004; Grinin, Korotayev 2009; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004; Bondarenko 1995; 2000а; 2000б; 2005; 2006; 2007а; 2007б; Bondarenko, Korotayev 2000а; 2000с; Bondarenko, Nemirovskiy 2007; Коротаев 2000б; 2003; Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Гринин, Коротаев 2007б; 2007а; 2009; Korotayev *et al.* 2000). Ниже мы приводим классификацию таких обществ.

Вернемся к схеме Сервиса – Салинза. С ней существует и еще одна очевидная проблема. Она явно «доваллерстайновская», не тронутая никакими дискуссиями о мир-системах, уверенно опирающаяся на возможность рассмотрения отдельной политии как единицы социальной эволюции. Возможно, это было бы не так уж и важно, если бы Салинз и Сервис говорили о типологии политий; однако они говорят именно об «уровнях культурной интеграции», и в подобном контексте мир-системное измерение, несомненно, должно быть принято во внимание⁷.

Суть проблемы здесь заключается в том, что тот же общий уровень культурной сложности может достигаться как через нарастающее усложнение одной политии, так и через развитие политически нецентрализованной межполитийной сети. Эта альтернатива была замечена еще И. Валлерстайном, что нашло отражение в предложенной

⁷ Наше понимание Мир-Системы и мир-системного подхода см.: Гринин, Коротаев 2009.

им дихотомии «мир-экономика – мир-империя» (см., например: Wallerstein 1974; 1979; 1987). Примечательно, что и сам Валлерстайн рассматривает два члена этой дихотомии именно как альтернативы, а не как стадии социальной эволюции.

В этой связи показательны примеры, в частности, «политий равных» Древней Греции, а в особенности – майя и йоруба. Система греческих полисов никогда не трансформировалась в империю и сохраняла гетерархический характер даже во время существования Афинского морского союза (см.: Голубцова 1983). Межполитийные же сети майя и йоруба, состоявшие из обществ, организованных на недемократических началах, тем не менее также никогда не трансформировались в империи, несмотря на доминирование и в их пределах тех или иных политий в отдельные исторические периоды (см.: Беляев 2001; 2002; Кочакова 1968; 1986).

Таким образом, как можно предположить, здесь мы в основном согласны с Валлерстайном. Тем не менее нам видится и некоторое неоправданное упрощение. В целом мы хотели бы подчеркнуть, что имеем здесь дело с частным случаем значительно более широкого набора эволюционных альтернатив.

Развитие политически децентрализованной межполитийной сети стало эффективной альтернативой развитию монополитии еще до возникновения первых империй. В качестве примера здесь стоит вспомнить межполитийную коммуникативную сеть гражданско-храмовых общин Месопотамии первой половины III тыс. до н. э., которая поддерживала уровень технологического развития существенно более высокий, чем у современного ей политически централизованного египетского государства. Примечательно и то, что межобщинные коммуникационные сети уже могли представлять эффективную альтернативу вождеству. Например, социально-политическую систему апатани следует описывать, видимо, именно как межобщинную коммуникативную сеть (между прочим, в свою очередь выступавшую как ядро в рамках более широкой коммуникативной сети, включавшей в себя соседние менее развитые политии – вождества и суверенные общины [см., например: Führer-Haimendorf 1962]).

Нам также представляется непродуктивным обозначать подобный альтернативный тип культурной интеграции как мир-экономику. Проблема в том, что при таком обозначении имеется тенденция недооценивать политические и культурные измерения подобных систем.

Возьмем, например, классическую греческую межполисную систему. Уровень сложности многих греческих полисов был достаточно низким даже по сравнению со сложным вождеством. Однако они были частями значительно более обширной и несравненно более сложной общности с многочисленными экономическими, политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Экономические связи, конечно же, играли определенную роль в рамках данной системы. Но прочие связи были отнюдь не менее важны. Возьмем в качестве примера норму, согласно которой межполисные войны приостанавливались во время Олимпийских игр, что делало возможным безопасное движение людей, а значит, и гигантских количеств энергии, вещества и информации в пределах территории, на порядки превосходившей территорию среднего сложного вождества. Существование межполисной коммуникационной сети позволяло, например, индивиду, родившемуся в одном полисе, получить образование в другом полисе, а основать свою научную школу в третьем. Наличие подобной системы долгое время резко уменьшало деструктивность межполисных войн. Она была той основой, на базе которой было возможным предпринимать значительные межполисные коллективные действия (что оказалось жизненно важным в эпоху греко-персидских войн). В результате полис с уровнем сложности, не дотягивавшим до уровня

составного вождества, оказывался частью системы, сложность которой оказывалась вполне сопоставимой с государством (и не только ранним).

То же можно сказать и о межсоциумной коммуникативной сети средневековой Европы (сложность которой в таком случае сравнима с таковой у средней мир-империи). Примечательно, что в обоих случаях некоторые элементы соответствующих систем могут рассматриваться как составные части мир-экономики, более обширных, чем эти системы. В то же время не все составные части коммуникативных сетей были вполне экономически интегрированы. Из этого следует, что мир-экономики были не единственно возможным типом политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей. На самом деле, в обоих случаях мы имеем дело с политически децентрализованными цивилизациями, которые на протяжении большей части человеческой истории последних тысячелетий и составляли наиболее эффективную альтернативу мир-империям. Конечно, многие из таких цивилизаций можно рассматривать как составляющие более обширных мир-экономики. Валлерстайн предполагает, что в век сложных обществ только мир-экономики и мир-империи («исторические системы», то есть самые большие единицы социальной эволюции) можно в целом рассматривать как эволюционирующие единицы. Мы считаем, что в качестве таковых вполне продуктивно рассматривать цивилизации, как политически централизованные, так и политически децентрализованные⁸. Еще раз стоит подчеркнуть важность культурных измерений подобных систем. Конечно, обмен крупными партиями товаров был важен. Но важным являлся и обмен информацией. Отметим, что успешное развитие науки в античной Греции и средневековой Европе стало возможным только благодаря интенсивному обмену информацией между обществами – компонентами соответствующих цивилизаций, а ведь развитие науки в средневековой Европе в очень высокой степени повлияло на дальнейшую эволюцию Мир-Системы.

Необходимо подчеркнуть, что межсоциумные коммуникативные сети могли появляться и среди гораздо менее сложных обществ (Валлерстайн обозначил их как «мини-системы», фактически не изучая их [конкретные исследования архаичных межсоциумных сетей см. в следующих работах: Chase-Dunn, Grimes 1995; Chase-Dunn, Hall 1993; 1994; 1995; 1997; см. также: Гринин, Коротаев 2009: Введение]). Представляется возможным говорить уже о коммуникативной сети, охватывавшей большую часть аборигенной Австралии⁹. И снова мы здесь сталкиваемся со сходным феноменом – значительной степенью культурной сложности (развитые формы ритуалов, мифологии, искусства, танцев и т. п., вполне сравнимые по сложности с таковыми у ранних земледельцев) у народов с довольно простой политической организацией. В значительной степени это можно объяснить тем фактом, что относительно простые локальные группы австралийцев были частью гораздо более сложного целого – гигантской межсоциумной коммуникативной сети, охватывавшей, по-видимому, большую часть Австралийского континента (см., например: Бахта, Сенюта 1972; Артемова 1987).

Таким образом, представляется возможным противопоставить общества, следовавшие по пути политической централизации и «авторитаризации», и культуры, которые продолжали разрабатывать и совершенствовать общинные институты самоуправ-

⁸ А также и «мир-идеологии», «мир-политики» (см.: Гринин, Коротаев 2009: 19) и подобные образования, которые мы назвали «пространственно-временными группировками обществ» (Гринин 1997–2001; 1998; Гринин, Коротаев 2009: 19).

⁹ Тем более что в ее рамках наблюдались не только культурная коммуникация, но и примитивная хозяйственная специализация и обмен на этой почве (см., например: Бутинов 1960: 113, 119; Mulvaney, Kamminga 1999: 28–31; см. также: Christian 2004: 197).

ления. Как бы там ни было, такая культура, как королевство Бенин XIII–XIX вв., делает картину социально-политической эволюции еще более многогранной. В частности, оказывается, что не только гетерархические, но и гомоархические общества способны достичь очень высокого (несравнимо выше уровня сложных вождеств) уровня социокультурной сложности и политической централизации и, тем не менее, никогда не трансформироваться в государство на протяжении всего длительного периода своего существования. Пример Бенина также свидетельствует, что автономия местной общины не является гарантией движения сложного общества в направлении гетерархии. Ранее мы предложили обозначить эту форму социополитической организации как «мегаобщину» (см., например: Бондаренко 1995: 276–284; 2001: 232–249; Bondarenko 1994; 1995). Ее структуру можно представить в форме четырех концентрических кругов, образующих перевернутый конус. Эти круги – большая семья, большесемейная община (в которой семейные связи дополнены соседскими), вождество и, наконец, самый широкий круг, включающий в себя три более узких, – мегаобщина как таковая (королевство Бенин в целом). Отличительной чертой мегаобщины является ее способность организовать на достаточно обширных территориях сложное многоуровневое общество, основываясь преимущественно на трансформированном принципе родства.

Помимо Бенина XIII–XIX вв. в доколониальной Африке мегаобщиной, в частности, можно признать королевство Бамум конца XVI–XIX вв. в лесной зоне современного Камеруна – суперсложное общество, которое представляло собой результат расширения вплоть до высшего уровня линиджных принципов и форм организации: «максимальный линидж» (Tardits 1980). Аналогично в «традиционных королевствах», располагавшихся в саванных областях того же постколониального государства, «монархическая система... ни в коей мере не является совершенно уникальной и единственной формой организации, но представляет собой структуру, фактически идентичную структуре линиджных групп» (Koloss 1992: 42). За пределами африканского континента мегаобщины (не обязательно бенинского типа, то есть основанные на родственных локальных общинах) могут быть опознаны, например, в индийских обществах конца I тыс. до н. э. – первых веков н. э. Естественно, отличаясь во многих отношениях от бенинской модели, они тем не менее характеризовались наличием главной отличительной черты мегаобщины как негосударственного типа общественной организации – интеграции суперсложного общества на общинной основе и направления их развития «снизу вверх». Так, А. М. Самозванцев (2001) описывает эти общества как пронизанные общинными порядками, несмотря на различия в конкретных формах социально-политической организации. «Принцип общинности», утверждает он, был наиважнейшим фактором, определявшим социальную организацию индийских политий в тот период (см. также: Лелюхин 2001; 2004). На юге Индии подобное положение сохранялось намного дольше, до времени империи Виджаянагара – середины XIV в., когда в регионе наконец произошли «...усиление централизации политической власти и как следствие – концентрация ресурсов в руках царской бюрократии...» (Palat 1987: 170). Примеры суперсложных обществ, выстроенных по общинной «матрице», дает и Юго-Восточная Азия I тыс. н. э.: таковы были Фунань и, возможно, Дваравати (Ребрикова 1987: 159–163; см., однако: Mudar 1999). Специфика мегаобщины становится особенно ясной при сравнении ее с «галактическими» государствами, исследованными в Юго-Восточной Азии С. Тамбия (Tambiah 1977; 1985). Подобно им мегаобщина имеет политический и ритуальный центр – столицу, являющуюся резиденцией сакрализованного правителя, – и ближний, средний и дальний «круги периферии» вокруг нее. Однако, несмотря на кажущуюся центростремительность,

подлинный социокультурный фокус мегаобщины – община, а не политико-ритуальный центр, как в «галактических» государствах, где «круги периферии», образуемые прежде всего локальными общинами, образно говоря, вращаются вокруг него, как планеты вокруг Солнца. Мегаобщинами, основанными на общинах с доминированием не родственных, а территориальных (соседских) связей – гражданскими мегаобщинами, – можно считать общества полисного типа (Бондаренко 1998; 2000; 2001: 259–263; 2004; Bondarenko 2006: 92–96; Штырбул 2006: 123–135).

Еще одна очевидная альтернатива государству представлена суперсложными вождествами, созданными кочевниками Евразии, – число структурных уровней в подобных вождествах равно или даже превосходит количество уровней в типичном государстве, но здесь имеется совершенно отличный от государства тип политической организации и политического лидерства; при этом политические образования такого рода, по-видимому, никогда не создавались земледельцами (см.: Крадин 1992: 146–152; 1996; Krajin 2000a; 2000b). Это подтверждается также историей Скифии. Будучи подобным суперсложным вождеством и аналогом раннего государства (см.: Гринин 2007г: 187–188), она все очевиднее превращалась в раннее государство по мере перехода скифов к оседлому образу жизни. Развитию государственности и укреплению царской власти сильно способствовал рост торговли хлебом, особенно с Боспором (см.: Граков 1971: 38).

Кроме мегаобщины Бенина и суперсложных вождеств кочевников, примером в данном случае, возможно, является Индская, или Хараппская, цивилизация, которая значительно превосходила размерами территории таких наиболее древних цивилизаций, как Египет и Месопотамия. Согласно Г. Посселу, эта цивилизация была «примером древней социокультурной сложности без архаической государственной формы политической организации», это подтверждает, что древние цивилизации, или сложные общества, намного более разнообразны по форме и организации, чем способны отразить типологические схемы традиционной однолинейной эволюции (Possehl 1998: 291). Но разнообразие социополитических форм и альтернативность процесса формирования государства, конечно, демонстрируют не только древние цивилизации, но и различные другие сложные общества самых разных эпох.

Общества с тщательно разработанной жесткой кастовой системой также могут являться гомоархичной альтернативой гомоархичным (по определению; см.: Claessen, Skalnik 1978: 533–596, 637–650) ранним государствам (Quigley 1999: 114–169; Kobishchanov 2000: 64).

Итак, альтернативность характеризует не только две основные макрогруппы культур, то есть гомо- и гетерархические общества. Альтернативность существует также и внутри каждой группы. В частности, на высшем уровне сложности и интегрированности социально-политической организации государство (по меньшей мере, в доиндустриальную эпоху) «конкурирует» не только с гетерархическими системами институтов (например, с полисом), но и с некоторыми формами социально-политической организации, не менее гомоархичными, чем само государство.

Среди многочисленных факторов, способных повлиять на сущность того или иного общества, следует остановиться на характерном для него типе семьи и общины. Различие в корреляции родственных и соседских (территориальных) линий связано, в свою очередь, с доминирующим типом общины (как универсального субстратного социального института). Ранее проведенное кросскультурное исследование (Бондаренко, Коротаев 1999; Bondarenko, Korotayev 2000b) в целом подтвердило выдвинутую ранее гипотезу (Бондаренко 1997: 13–14; 1998: 198–199) о том, что общинное устройство с большой семьей, где обычно ярко выражены вертикальные социальные связи, обретающие форму

родственных отношений (старший – младший)¹⁰, и существует недемократическая система ценностей, более характерно для гомоархических обществ. Оказалось, что гетерархические общества чаще связаны с территориальными общинами, состоящими из малых семей, в которых социальные связи горизонтальны и имеют вид равноправных соседских связей (Коротаяев, Церетели 2001; Korotayev 2003b)¹¹.

В ходе нашего кросскультурного исследования форм общины был выявлен еще один важный фактор гомоархизации – гетерархизации обществ. Оказалось, что вероятность гетерархического развития социополитической организации выше в культурах, где доминируют моногамные семьи (Коротаяев, Бондаренко 2001; Korotayev, Bondarenko 2000; Korotayev 2003a).

Однако помимо социальных факторов (включая вышеупомянутые) для определения эволюционного пути важен также ряд явлений, вытекающих из того факта, что политическая культура есть отражение общего культурного типа общества. Этот тип, варьирующий от цивилизации к цивилизации, определяет направления и пределы социокультурной эволюции. Хотя культура как таковая формируется под влиянием различных факторов (социоисторических, природных и т. д.), значимость общего культурного типа для определения характера социально-политической организации отнюдь не сводится к так называемому «идеологическому фактору» (Bondarenko, Korotayev 2000c; Claessen 2000). Общий тип культуры оказывает существенное воздействие на свойства политической культуры социума. «Причем проявляются они, по всей видимости, сразу столь же полно, как и потенции хозяйственные, религиозные, художественные» (Зубов 1991: 59). В свою очередь, политическая культура определяет параметры идеальной социально-политической модели, складывающейся в головах людей. Так, политическая культура закладывает основы характера, типа, форм социально-политической эволюции общества, включая ее развертывание в иерархической или же неиерархической плоскости. Но и реальные, «неидеальные» общественные институты – в немалой степени плод сознательной деятельности (социального творчества) людей, пусть и не способных в полной мере осознать глобальные для их обществ социально-политические последствия своих поступков, направленных на достижение личных целей. Творят же люди, в том числе в общественной сфере, соотнося деяния с теми системами ценностей, которые они усваивают в своих культурах и воспринимают как наиболее естественные, единственно истинные.

Следовательно, очевидно, что как общий тип культуры социума, так и его политическая культура неразрывно связаны с присущим ему типом так называемой «модальной личности». В свою очередь, фундаментальные характеристики модальных личностей передаются от поколения к поколению посредством практик социализации, которые соответствуют системам ценностей, общепринятым в данных обществах, и могут в немалой степени определять ход политической эволюции, а не только сами определяться ею, как обычно считается (см.: Irons 1979: 9–10, 33–35; Ионов 1992: 112–129; Коротаяев, Бондаренко 2001; Bondarenko, Korotayev 2000a: 309–312; Korotayev, Bondarenko 2000; Korotayev 2003a; Гринин 2007г: 85), хотя ученые обычно склонны подчеркивать обратное влияние, то есть влияние политических систем на процессы социализации и типы личности.

¹⁰ Это становится особенно важным, когда речь заходит об обществах, где в больших семьях главенствует не группа братьев, а отцы (см., например: Бромлей 1981: 202–210).

¹¹ Отметим, что не только среди людей, но также и среди других приматов родственные связи более значимы в гомоархически организованных сообществах (Thierry 1990; Бутовская, Файнберг 1993: 25–90; Butovskaya 1993; 2000; Butovskaya, Korotayev, Kazankov 2000).

Экологический фактор также является значимым для определения направления эволюции того или иного общества (Бондаренко 1998; Bondarenko 2000b; Коротаев 2003; Коротаев, Клименко, Прусаков 2007; Гринин, Коротаев 2009). В этом случае в понятие «экология» следует включать не только природную, но и социоисторическую среду. Окружающая среда также во многом определяет эволюционный потенциал общества, создавая пределы его продвижению по гомо- либо гетерархической оси. Например, не существует предопределенной неизбежности перехода от простого к сложному обществу (Tainter 1990: 38; Lozny 2000) или от раннего государства к зрелому (Claessen, van de Velde 1987: 20 etc.; Гринин 2007в).

Рассмотрим теперь значение подхода, обсуждавшегося выше, для изучения процесса формирования государства и политогенеза в целом. Стремление всегда и везде видеть исторические тенденции и законы проявляющимися однотипно (или даже одинаково) приводит к искаженному пониманию исторической реальности. Например, синхронные политические процессы объявляются последовательными стадиями формирования государства. Кроме того, черты уже зрелого государства алогично приписываются его ранним формам, и вследствие этого становится невозможно найти хоть какое-нибудь «нормальное» раннее государство (см. подробнее: Гринин 2007в).

Понятие «политогенез» было разработано в 1970-х и 1980-х гг. Л. Е. Куббелем (см., например: Куббель 1988б). Но Л. Е. Куббель, как и многие из тех, кто сегодня пользуется этим понятием, приравнивал политогенез к процессу формирования исключительно государственности (см., например: Там же: 3). Такой взгляд вытекал из господствующего тогда и очень распространенного до сих пор, но тем не менее устаревшего однолинейного взгляда, что: а) все негосударственные формы, по определению, являются догосударственными; б) развитие политических институтов и форм вело прямой дорогой к образованию государства; в) любое самое неразвитое государство, естественно, сложнее любого негосударственного общества; г) политические отношения возникают только с появлением государства. Однако политогенез невозможно свести только к образованию государства хотя бы потому, что, как мы видели выше, параллельно с государством существовали и развивались сложные политии негосударственного типа, которые по уровню развития никак нельзя отнести к догосударственным. Следовательно, необходимо констатировать подмену более широкого процесса складывания различных сложных политических форм и институтов, то есть политогенеза, более узким (и более поздним) – формированием государства. Между тем, как справедливо заметил Г. Льюис, существует огромное богатство организационного разнообразия негосударственных обществ по всему миру (Lewis 1981: 206). Для того, чтобы избежать этих натяжек и ошибок, нами разработаны новые подходы к концепции политогенеза (см.: Коротаев, Крадин, Лынша 2000; Korotayev *et al.* 2000; Korotayev, Bondarenko 2000; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; Grinin 2003; 2004c; Grinin, Korotayev 2006; Гринин 2007б; 2007в; 2007г).

Мы предлагаем обозначать термином «политогенез» процесс выделения в обществе политической стороны и формирование политической системы как самостоятельной и частично автономной; процесс появления особых властных форм организации общества, что связано с концентрацией власти и политической деятельности (как внутренней, так и внешней) в руках определенных (в том числе функциональных) групп или слоев. Иными словами, политогенезом можно считать процесс формирования сложной политической организации любого типа, что выглядит более обоснованным также и с точки зрения этимологии: слово politeia в античной Греции обозначало политический порядок любого типа, а не только государство.

В англоязычной (и, по-видимому, в целом в западной) антропологии понятие политогенеза отсутствует, поскольку политические антропологи считают достаточным

термин *state formation process*¹². Однако эти понятия очень желательно развести: политогенез должен выступать как более общее понятие, описывающее генезис политической подсистемы сложного общества, а *state formation process* – как особый тип политогенеза, ведущий именно к возникновению государственной организации. Поэтому было бы очень хорошо, если бы словарь западной политической антропологии пополнился термином *politogenesis*, который можно было бы использовать для обозначения процесса формирования любого типа сложной политической организации (см. по этому поводу: Bondarenko, Korotayev 2000a; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002: 66–67; Grinin, Korotayev 2009: 56–57).

В результате государствогенеза в управлении обществом все большую роль начинают играть административные, силовые и правовые методы, применяемые новыми типами военных и гражданских профессиональных управленцев-администраторов. Очевидно, что государствогенез «моложе» политогенеза. И подобно тому, как сам политогенез выделяется из общего процесса социального (в широком смысле слова) развития, так и на определенном этапе политогенеза начинается отпочкование от него государствогенеза. Стоит отметить, что государствогенез, как правило, требует гораздо больших территорий, населения, ресурсов для своего начала, чем иные политогенетические процессы, ведущие к образованию политий среднего уровня (типа простых вождеств и их аналогов), и в среднем даже больших, чем для образования аналогов ранних государств (см.: Гринин 2007г; Grinin 2009). Постепенно государствогенез становится ведущим, а затем и вообще доминирующим направлением политогенеза. Поэтому и создается впечатление, что политогенез и есть собственно процесс формирования государства как политического института. Однако это совсем не так. Государствогенез не только «моложе» политогенеза. Даже когда появились первые ранние государства, политогенез никогда не сводился только к одной – государственной – линии. Напротив, таких линий было много, и государственная среди них была сначала исключением, а затем длительное время достаточно редким случаем.

В соотношении политогенеза и государствогенеза нужно указать еще на одно обстоятельство. Циклы централизации и децентрализации государств, которые являются одними из самых важных исторических процессов в древней и средневековой истории (см., например: Нефедов 2007; Турчин 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин 2007ж), в каких-то случаях можно интерпретировать и как оппозицию государствогенеза и негосударственного политогенеза (Гринин 2007г). В самом деле, распад крупных (особенно незрелых) держав на мелкие части нередко приводил к появлению политий такого типа, которые нельзя отнести к государству по причине как их малого размера и слабости аппарата, так и неопределенности их суверенитета. Например, в доиспанской Мексике и Андах продукты распада ранних государств одни определяют как вождества, а другие – как малые государства или города-государства (Chabal *et al.* 2004: 50). Если же учитывать различия между процессами политогенеза и государствогенеза, решение проблемы можно увидеть в ином аспекте: политогенез

¹² Такие вполне удачные и емкие термины, как *complex society*, *sociocultural complexity* и т. п., все же не решают проблему полностью. Отсутствие такого разделения довольно странно, учитывая, что в англоязычной литературе понятие политических систем (*political systems*) давно и прочно вошло в оборот, по крайней мере с выхода в 1940 г. книги *African Political Systems* (Fortes, Evans-Pritchard 1947 [1940]). А сама концепция политических систем и классификации типов политических систем обстоятельно разработана (см. подробнее: Скальник 1991). Возможно, это связано с тем, что базовая классификация всех политических систем, как справедливо замечают П. Скальник и др. (см.: Там же), была жестко, механически и антиисторично разделена на два главных идеальных типа: безгосударственные (акефальные) и государственные, что полностью игнорировало возможности выделения эволюции сложных систем без образования государства.

рождал разные политические формы, но развитие, как правило, через какое-то время вновь возвращалось на дорогу государствогенеза.

Таким образом, эволюционный путь, в рамках которого ретроспективно угадываются известные нам черты государства, является лишь одним из возможных «направлений» политогенеза. Но так как позднее большинство альтернативных социально-политических структур было уничтожено, поглощено государствами или трансформировалось в государства¹³, возможно, есть основания ретроспективно признать «государственную ветвь» политогенеза «основной», а альтернативные пути – «боковыми».

Это тем не менее не служит основанием для того, чтобы описывать вышеупомянутые социополитические структуры как догосударственные образования; напротив, они вполне сопоставимы с ранними государствами по функциям и уровню структурной сложности. Следовательно, представляется возможным определять их как «аналоги раннего государства» (подробнее см.: Гринин 1997; 2000а; 2002; 2006а; 2006б; 2006в; 2006г; 2007а; 2007б; 2007в; 2007г; 2007д; 2008; Grinin 2000; 2002b; 2003; 2004а; 2004b; 2004с; 2007а; 2009). Понятие *аналог раннего государства* подчеркивает как типологическое и функциональное сходство данных форм с ранним государством, так и их структурные различия. Его использование делает возможным более адекватное описание процесса политогенеза.

В рамках настоящей статьи под **аналогом раннего государства** понимается *категория, с помощью которой обозначаются различные формы сложных негосударственных обществ, сопоставимых с ранним государством (но обычно не выше уровня типичного раннего государства) по размерам, социокультурной и/или политической сложности, уровню функциональной дифференциации и масштабам стоящих перед обществом задач, однако не имеющих хотя бы одного из перечисленных в дефиниции раннего государства признаков.*

Нами выделены следующие типы аналогов (см. подробнее: Гринин 2006г; 2007а; 2007г; 2007д; 2007е; Гринин, Коротаев 2009: Экскурс 5; Grinin 2003; 2007а; 2009):

1. Некоторые самоуправляющиеся городские и храмовые общины и территории (в том числе переселенческие, вроде Исландии X–XIII вв.) с населением от нескольких тысяч до десятков тысяч человек.

2. Некоторые большие племенные союзы с достаточно сильной властью верховного вождя («короля» и т. п.) с населением в десятки тысяч (иногда даже сто и более тысяч) человек. Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода Великого переселения народов.

3. Большие племенные союзы и конфедерации, в которых «королевская» власть отсутствовала (не существовала вовсе или иногда была упразднена), но в то же время процессы социального и имущественного расслоения, а также функциональной дифференциации были весьма заметными и даже опережали политическое развитие. Примеры таких племенных союзов без «королевской» власти можно найти у саксов в Саксонии и у некоторых галльских народов. Численность таких объединений нередко достигала десятков, а в отдельных случаях и сотен тысяч человек.

4. Государствоподобные объединения кочевников, большие и сильные в военном отношении, внешне напоминавшие крупные государства (например, Скифия или «империя» хунну).

¹³ Тем не менее подобные трансформации возможны только при определенных условиях. Например, в результате влияния соседних государственных систем, резкого изменения внутренней или внешней ситуации и т. п.

5. Многие сложные вождества (особенно очень крупные), поскольку по размерам и сложности они не уступают малым и даже средним государствам (например, число жителей гавайских вождеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек [Johnson, Earle 2000: 246]).

Некоторые из этих аналогов так никогда и не стали государствами. Другие превратились в государство, но уже на достаточно высоком уровне развития, поэтому они перешли сразу к крупному государству (а не к малому или среднему по размерам). В некоторых из вышеуказанных работ мы подробно рассматриваем две принципиально разные модели перехода к государству (см., например: Гринин 2007*а*; 2007*б*; 2007*в*; Гринин, Коротаяев 2009; Grinin 2009; Grinin, Korotayev 2009). Первая модель – когда государства образовывались, так сказать, «вертикально», то есть от догосударственных обществ сразу к государственным. Чаще такое превращение шло на уровне маленьких государств, как это, например, произошло с бецилео (или бецилеу) на острове Мадагаскар (в горной стране на юге Высокого плато) в XVII в. (Kottak 1980; Claessen 2000; 2004; см. также: Орлова 1984: 178–179). Много таких примеров может дать Древняя Греция, где вынужденное переселение людей из мелких населенных пунктов в один для защиты от военных действий или пиратов было очень распространено и получило название синоикизма (см.: Глускина 1983: 36; Фролов 1986: 44; Андреев 1979: 20–21)¹⁴. Но могли быть случаи, когда «вертикальным» путем образовывались сразу крупные государства¹⁵.

Таким образом, в поисках ответов на ряд вопросов политической антропологии необходимо рассматривать генезис раннего государства в общем контексте одновременных ему социоэволюционных процессов. Вероятно, это позволит более точно оценить соотношение между общими социоэволюционными процессами и процессами формирования государства. К примеру, кажется очевидным, что в конечном счете сложение государства связано с общими изменениями, вызванными переходом от присваивающего хозяйства к производящему и приводившими к росту социокультурной сложности. Это создавало объективную потребность в новых организационных методах и формах взаимодействия обществ. Но в различных обществах это выражалось по-разному. Так, в течение долгого времени рост социокультурной сложности, развитие торговли, частной собственности, рост имущественного неравенства и роли религиозных культов, корпораций и т. д. могли служить альтернативой чисто административным и политическим решениям. И в этом контексте раннее государство правомерно рассматривать только как одну из форм новой организации общества и межобщественных отношений, хотя и ставшей впоследствии по вполне объективным эволюционным причинам почти универсальной.

Библиография

- Аглазов М. А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.: Наука.
Андреев Ю. В. 1979. Античный полис и восточные города-государства. *Античный полис* / Ред. Э. Д. Фролов, с. 8–27. Л.: Изд-во ЛГУ.

¹⁴ Отметим, впрочем, что вопрос о том, какие из античных политий, в частности греческих полисов, имеет смысл рассматривать в качестве государств, а какие – нет, до сих пор остается дискуссионным (см., например: Берент 2000; Гринин 2007*а*: 67–118; Коротаяев, Крадин, Лынша 2000; см. также дискуссию в журнале *Social Evolution & History* в 2004–2006 гг., в частности: Grinin 2004*а*; van der Vliet 2005; Berent 2006).

¹⁵ Возможно, именно так произошло у зулусов, в короткий срок создавших на юге Африки в начале XIX в. (сначала при вожде Дингисвайо, а затем его преемнике Чаке, позже ставшем «императором») весьма крупную державу из разрозненных небольших вождеств (Бюттнер 1981: 184; Риттер 1968; Gluckman 1987 [1940]). Отметим, кстати, что в рамках этой могущественной политии наблюдалась высокая степень иерархизации надобщинных институтов и значительная устойчивость институциональной иерархии (см., например: Gluckman 1987 [1940]; Ritter 1955).

- Артемова О. Ю. 1987.** *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1989.** К проблеме первобытного эгалитаризма. *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 3, с. 3–5. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1991.** Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров. Т. 1, с. 44–91. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Артемова О. Ю. 1993.** Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов, с. 40–70. М.: Наука.
- Бахта В. М., Сенюта Т. В. 1972.** Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии. *Охотники, собиратели, рыболовы* / Ред. А. М. Решетов, с. 68–90. Л.: Наука.
- Беляев Д. Д. 2001.** *Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н. э.): дис. ... канд. ист. наук*. М.: РГГУ.
- Беляев Д. Д. 2002.** Древние майя (III–IX вв. н. э.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, с. 148–176. М.: Ин-т Африки РАН.
- Березкин Ю. Е. 1995.** Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 62–78. М.: Наука.
- Березницкий С. В. (Ред.) 2003.** *История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки*. СПб.: Наука.
- Берент М. 2000.** Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 235–258. М.: Логос.
- Бондаренко Д. М. 1995.** *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть*. М.: Ин-т Африки.
- Бондаренко Д. М. 1997.** *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке*. М.: Ин-т Африки.
- Бондаренко Д. М. 1998.** Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству. *Восток 1*: 195–202.
- Бондаренко Д. М. 2000.** «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 198–206. М.: Логос.
- Бондаренко Д. М. 2001.** *Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бондаренко Д. М. 2004.** Социально-политическая эволюция: от равноположенности типов общины к альтернативности форм надобщинной организации. *Alaïca. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л. Б. Алаева* / Ред. О. Е. Непомнин, с. 32–53. М.: Вост. лит-ра.
- Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006.** Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 15–36. Волгоград: Учитель.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. 1999.** Политогенез, «гомологические ряды» и нелинейные модели социальной эволюции (К кросс-культурному тестированию некоторых политантропологических гипотез). *Общественные науки и современность 5*: 129–140.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. (Ред.) 2002.** *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бромлей Ю. В. 1981.** *Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)*. М.: Наука.

- Булгакова Т. Д. 2001. *Шаманство в традиционной культуре: системный анализ*. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена.
- Булгакова Т. Д. 2002. *Потестарная культура народов Севера*. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена.
- Бутинов Н. А. 1960. Разделение труда в первобытном обществе. *Проблемы истории первобытного общества* / Ред. Л. П. Потапов, с. 120–126. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Бутовская М. Л. 1994. *Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН.
- Бутовская М. Л., Файнберг Л. А. 1993. *У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека*. М.: Наука.
- Бюттнер Т. 1981. *История Африки с древнейших времен*. М.: Наука.
- Вавилов Н. И. 1921. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. *Сельское и лесное хозяйство* 1: 27–39.
- Вавилов Н. И. 1927. Географические закономерности в распределении генов культурных растений. *Природа* 10: 41–56.
- Вавилов Н. И. 1967. *Избранные произведения*. Т. 1–2. Л.: АН СССР.
- ван Геннеп А. 2002 [1909]. *Обряды перехода*. М.: Вост. лит-ра.
- Володин А. П. 2003. *Ительмены*. СПб.: Дрофа.
- Гиренко Н. М. 1993. Племя и государство: проблемы эволюции. *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов, с. 122–131. М.: Вост. лит-ра.
- Глускина Л. М. 1983. Проблемы кризиса полиса. Античная Греция. *Проблемы развития полиса*: в 2 т. Т. 2. *Кризис полиса* / Ред. Е. С. Голубцова, с. 5–42. М.: Наука.
- Голубцова Е. С. (Ред.) 1983. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. I. *Становление и развитие полиса*. М.: Наука.
- Граков Б. Н. 1971. *Скифы*. М.: МГУ.
- Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. Гл. 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–64.
- Гринин Л. Е. 1997–2001. *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]
- Гринин Л. Е. 1998. Формации и цивилизации. Глава 7. Законы исторического процесса. *Философия и общество* 6: 5–51.
- Гринин Л. Е. 2000а. *Политогенез: генеральная и боковые линии*. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2000б. *Производительные силы и исторический процесс*. М.: Теис.
- Гринин Л. Е. 2001–2006. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4/2001: 5–60; 2/2002: 5–74; 3/2002: 5–73; 2/2003: 5–42; 3/2003: 5–57; 1/2004: 5–44; 4/2004: 5–44; 4/2005: 5–29; 2/2006: 20–67.
- Гринин Л. Е. 2002. *Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006а. От раннего к зрелому государству. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 523–556. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006б. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. *История и современность* 1: 3–45.
- Гринин Л. Е. 2006в. Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 337–386. Волгоград: Учитель.

- Гринин Л. Е. 2006г. Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 85–163. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2007а. Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции. *Личность. Культура. Общество* 9(1): 149–169.
- Гринин Л. Е. 2007б. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007в. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007г. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007д. Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики. *История и Математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов* / Ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, с. 263–303. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007е. Размеры общества и эволюционный тип политики: некоторые зависимости (к постановке проблемы). *Природа и общество: Сибирь – судьба России* / Ред. Э. С. Кульпин, с. 82–116. М.: ИАЦ-Энергия.
- Гринин Л. Е. 2007ж. Некоторые размышления по поводу природы законов, связанных с демографическими циклами (к постановке проблемы определения общих методологических подходов к анализу демографических циклов). *История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска* / Ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 219–246. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е. 2008. Эволюция государственности: от догосударственной эпохи к надгосударственной. *Личность. Культура. Общество* 10(5–6): 184–198.
- Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (Ред.) 2006. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007а. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы). *Философия и общество* 2: 19–66; 3: 5–48; 4: 17–50.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007б. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и коллестивный анализ. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 49–101. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В. 2008. *Макроэволюция в живой природе и обществе*. М.: УРСС.
- Гринин Л. Е., Марков А. В., Коротаев А. В. 2009. Ароморфозы в живой природе и обществе: опыт сравнения биологической и социальной форм макроэволюции. *Эволюция: космическая, биологическая, социальная* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Марков, А. В. Коротаев, с. 176–225. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гуревич А. Я. 1972. *История и сага*. М.: Наука.
- Зубов А. Б. 1991. «Вестминстерская модель» и общественное бытие Востока. *Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования* / Ред. А. Б. Зубов, А. М. Салмин, Л. Л. Тайван. Т. 1, с. 50–75. М.: Наука.
- Ионов И. Н. 1992. Исторический субъект и альтернативы социальной деятельности. *Альтернативность истории* / Ред. Я. Г. Шемякин, А. В. Коротаев, с. 109–131. Донецк: ДО САМИ.
- Кабо В. Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.
- Калиновская К. П. 1976. *Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции*. М.: Наука.

- Коротаев А. В. 1992.** Объективные социологические законы и субъективный фактор. *Альтернативность истории* / Ред. Р. В. Манекин, с. 76–108. Донецк: ДО САМИ.
- Коротаев А. В. 1995а.** Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных первобытных обществ. *Социологический журнал* 4: 68–86.
- Коротаев А. В. 1995б.** Некоторые проблемы социальной эволюции архаических (и не только архаических) обществ. *Восток* 5: 211–220.
- Коротаев А. В. 1995в.** Горы и демократия: к постановке проблемы. *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша, с. 77–93. Владивосток: Дальнаука.
- Коротаев А. В. 1995г.** Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток* 3: 18–26.
- Коротаев А. В. 1996а.** Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации на северо-востоке Йемена. *Восток* 6: 18–28.
- Коротаев А. В. 1996б.** От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем северо-восточного Йемена за последние две тысячи лет. *Этнографическое обозрение* 2: 81–91.
- Коротаев А. В. 1997.** *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 1998.** *Вождества и племена страны Хайшид и Бакил.* М.: ИВ РАН.
- Коротаев А. В. 1999.** Объективные социологические законы и субъективный фактор. *Время мира.* Вып. 1: *Историческая макросоциология в XX веке* / Ред. Н. С. Розов, с. 204–233. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН.
- Коротаев А. В. 2000а.** От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет.) *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 224–302. СПб.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2000б.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 265–291. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 2003.** *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006а.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006б.** *Социальная история Йемена.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Бондаренко Д. М. 2001.** Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование. *Алгебра родства* 7: 173–186.
- Коротаев А. В., Клименко В. В., Прусаков Д. Б. 2007.** *Возникновение ислама: Социально-экологический и политико-антропологический контекст.* М.: ОГИ.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Коротаев А. В., Церетели Т. К. 2001.** Родовая организация и «глубокая христианизация». *Язык, культура и общество* / Ред. О. Б. Христофорова, А. В. Дыбо, с. 19–44. М.: РГГУ.
- Кочакова Н. Б. 1968.** *Города-государства йорубов.* М.: Наука.
- Кочакова Н. Б. 1986.** *Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомей).* М.: Наука.
- Крадин Н. Н. 1992.** *Кочевые общества.* Владивосток: Дальнаука.

- Крадин Н. Н. 1996.** *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 2001.** *Политическая антропология*. М.: Ладомир.
- Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (Ред.) 2000.** *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. (Ред.) 2002.** *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Лынша В. А. (Ред.) 1995.** *Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум*. Владивосток: Дальнаука.
- Крашенинников С. П. 1949.** *Описание земли Камчатка*. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути.
- Крушанов А. И. (Ред.) 1990.** *История и культура ительменов: историко-этнографические очерки*. Л.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988а.** Возникновение частной собственности, классов и государства. *История первобытного общества. Эпоха классовообразования* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 140–269. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988б.** *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Лелюхин Д. Н. 2001.** Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. *Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности* / Ред. Д. Н. Лелюхин, Ю. В. Любимов, с. 9–148. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Лелюхин Д. Н. 2004.** Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики. Непал периода Личчави. *Государство на Древнем Востоке* / Ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина, с. 319–341. М.: Вост. лит-ра.
- Лопатин И. А. 1922.** *Гольды амурские, уссурийские, сунгарские. Опыт этнографического исследования*. Владивосток: Общ-во изучения Амурского края.
- Маретина С. А. 1995.** К проблеме универсальности вожеств: о природе вождей у нага (Индия). *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 79–103. М.: Вост. лит-ра.
- Мешков К. Ю. 1982.** Филиппины. *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин* / Ред. Н. Н. Чебоксаров, А. И. Кузнецов, с. 175–226. М.: Наука.
- Никитин Н. И. 1987.** О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса). *Феодализм в России* / Ред. В. Л. Янин, с. 236–245. М.: Наука.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: УГГУ.
- Ольгейрссон Э. 1957.** *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии* / пер. с исл. М.: ИЛ.
- Орлова А. С. 1984.** Мадагаскар. *История Африки в XIX – начале XX в.* / Ред. В. А. Субботин, с. 178–186. М.: Наука.
- Орлова Е. П. 1999.** *Ительмены: историко-этнографический очерк*. СПб.: Наука.
- Павленко Ю. В. 1996.** *Історія світової цивілізації*. Київ: Либідь.
- Павленко Ю. В. 2000.** Происхождение цивилизации: альтернативные пути. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондренко, В. А. Лынша, с. 115–129. М.: Логос.
- Попов В. А. 1995а.** Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 188–204. М.: Вост. лит-ра.
- Попов В. А. (Ред.) 1995б.** *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра.
- Попов В. А. (Ред.) 2000.** *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика*. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

- Ратцель Ф. 1902.** *Народоведение*. Т. 1. СПб.: Просвещение.
- Ребрикова Н. В. 1987.** Государство, община, класс в буддийских обществах Центрального Индокитая (V–XV вв.). *Государство в докапиталистических обществах Азии* / Ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян, с. 158–180. М.: Наука.
- Риттер Э. А. 1968.** *Чака Зулу. Возвышение зулусской империи*. М.: Наука.
- Рознер И. Г. 1970.** Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. *Вопросы истории* 8: 42–56.
- Самозванцев А. М. 2001.** Социально-правовая организация индийского общества в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. *Государство в истории общества. К проблеме критериев государственности* / Ред. Д. Н. Лелюхин, Ю. В. Любимов, с. 259–292. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Сем Ю. А. 1959.** *Родовая организация нанайцев и ее разложение*. Владивосток: Изд-во Дальневосточной секции Сибирского отд-я АН СССР.
- Скальник П. 1991.** Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии. *Советская этнография* 3: 144–146.
- Смоляк А. В. 1970.** Социальная организация народов Нижнего Амура. *Общественный строй народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.)* / Ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, с. 114–133. М.: Наука.
- Стеблин-Каменский М. И. 1984.** *Мир саги*. Л.: ЛГУ.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/URSS.
- Фентон У. Н. 1978.** Ирокезы в истории. *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 109–156. М.: Прогресс.
- Французов С. А. 2000.** Общество Райбуна. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 302–312. М.: Логос.
- Фролов Э. Д. 1986.** Рождение греческого полиса. *Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство)* / Ред. Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов, с. 8–99. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Хьяульмарссон Й. Р. 2003.** *История Исландии*. М.: Весь мир.
- Чиркин В. Е. 1955.** Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян. *Вестник истории* 9: 57–64.
- Чудинова О. Ю. 1981.** Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии. *Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография* / Ред. К. В. Малаховский, с. 220–237. М.: Наука.
- Шнирельман В. А. 1993.** *Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений. Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов, с. 98–121. М.: Наука.
- Штаерман Е. М. 1989.** К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.
- Штырбул А. А. 2006.** *Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)*. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та.
- Adams R. N. 1975.** *Energy and Structure*. Austin; London: University of Texas Press.
- Alexeev I. L., Beliaev D. D., Bondarenko D. M. (Eds.) 2004.** *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Third International Conference. Abstracts of the 3rd International Conference (Moscow, 18–24 June, 2004)*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the RAS.
- Aunger R. 2006.** Culture Evolves only if There is Cultural Inheritance. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 347–348.

- Barkow J. H. 2006.** Vertical/Compatible Integration versus Analogizing with Biology. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 348–349.
- Barton R. F. 1922.** *Ifugao Economics*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Beliaev D. D. 2000.** ‘Joint Government’ in Mesoamerican History. In Bondarenko, Sledzevski 2000: 13–14.
- Beliaev D. D., Bondarenko D. M., Frantsouzzoff S. A. (Eds.) 2002.** *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Berent M. 1994.** *Stateless Polis*. Unpublished Ph.D. thesis manuscript. Cambridge: Cambridge University.
- Berent M. 1996.** Hobbes and the ‘Greek Tongues’. *History of Political Thought* 17: 36–59.
- Berent M. 2000a.** Greece (11th – 4th Centuries B.C.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 228–254.
- Berent M. 2000b.** The Stateless *Polis*: Towards a New Anthropological Model of the Ancient Greek Community. In Kradin *et al.* 2000: 225–241.
- Berent M. 2006.** The Stateless Polis: A Reply to Critics. *Social Evolution & History* 5(1): 141–163.
- Berezkin Yu. E. 1995.** Alternative Models of Middle Range Society. ‘Individualistic’ Asia vs. ‘Collectivistic’ America? In Kradin, Lynsha 1995: 75–83.
- Berezkin Yu. E. 2000.** Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies. In Kradin *et al.* 2000: 220–224.
- Bern J. 1979.** Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation. *Oceania* 50: 118–132.
- Blackmore S. 2006.** Why We Need Memetics. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 349–350.
- Bondarenko D. M. 1994.** Precolonial Benin: Personality, Authority and the Structure of Society. *State, City and Society* / Ed. by J. A. Sabloff, M. Lal, pp. 1–10. New Delhi: WAC–3.
- Bondarenko D. M. 1995.** Megacommunity as a Variant of Structure and Type of Society: Precolonial Benin. In Kradin, Lynsha 1995: 100–108.
- Bondarenko D. M. 1998.** ‘Homologous Series’ of Social Evolution. In Butovskaya, Korotayev, Khristoforova 1998: 98–99.
- Bondarenko D. M. 2000a.** Benin (1st Millennium B.C. – 19th Century A.D.). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 87–127. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Bondarenko D. M. 2000b.** ‘Homologous Series’ of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction). In Kradin *et al.* 2000: 213–219.
- Bondarenko D. M. 2005.** A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th – 19th Centuries. *Social Evolution & History* 4(2): 18–88.
- Bondarenko D. M. 2006.** *Homoarchy: A Principle of Culture’s Organization. The 13th – 19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Bondarenko D. M. 2007a.** Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization: An Introduction. *Anthropos* 102: 187–199.
- Bondarenko D. M. 2007b.** What Is There in a Word? Heterarchy, Homoarchy and the Difference in Understanding Complexity in the Social Sciences and Complexity Studies. *Explorations in Complexity Thinking* / Ed. by K. A. Richardson, P. Cilliers, pp. 35–48. Mansfield, MA: ISCE Publishing.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002.** Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2004.** Alternatives of Social Evolution. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 3–27. Volgograd: Uchitel.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. (Eds.) 2000a.** *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: IAF RAN.

- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. 2000b.** Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 34: 152–189.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. 2000c.** Introduction. In Bondarenko, Korotayev 2000a: 5–31.
- Bondarenko D. M., Nemirovskiy A. A. (Eds.) 2007.** *Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences.
- Bondarenko D. M., Sledzevski I. V. (Eds.) 2000.** *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: IAF RAN.
- Borsboom D. 2006.** Evolutionary Theory and the Riddle of the Universe. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 351.
- Bridgeman B. 2006.** It is not Evolutionary Models, but Models in General that Social Science Needs. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 351–352.
- Brumfiel E. M. 1995.** Heterarchy and the Analysis of Complex Societies: Comments. In Ehrenreich *et al.* 1995: 125–131.
- Butovskaya M. L. 1993.** Kinship and Different Dominance Styles in Three Species of the Genus *Macaca*. *Folia Primatologica* 60: 210–224.
- Butovskaya M. L. 2000.** Biosocial Preconditions for Sociopolitical Alternativity. In Bondarenko, Korotayev 2000a: 35–53.
- Butovskaya M. L., Korotayev A. V., Kazankov A. A. 2000.** Variabilité des relations sociales chez les primates humains et non humains: à la recherche d'un paradigme général. *Primatologie* 3: 319–363.
- Butovskaya M. L., Korotayev A. V., Khristoforova O. B. (Eds.) 1998.** *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behavior. Concepts of Humans and Behavior Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach*. Moscow: RSUH.
- Carneiro R. L. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carneiro R. L. 1987.** Cross-Currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.
- Carneiro R. L. 1991.** The Nature of the Chieftdom as Revealed by Evidence from the Cauca Valley of Colombia. *Profiles in Cultural Evolution* / Ed. by A. T. Rambo, K. Gillogly, pp. 167–190. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Carneiro R. L. 2000.** Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin *et al.* 2000: 52–58.
- Chabal P., Feinman G., Skalník P. 2004.** Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 46–60. Volgograd: Uchitel.
- Chamblee J. F. 2000.** *The Classic-Postclassic Transition in the Central Mixteca Alta, Oaxaca*. Unpublished M. A. thesis manuscript. Tucson, AZ: University of Arizona.
- Chase-Dunn Ch., Grimes P. 1995.** World-System Analysis. *Annual Review of Sociology* 21: 387–417.
- Chase-Dunn Ch., Hall T. D. 1993.** Comparing World-Systems: Concepts and Working Hypotheses. *Social Forces* 71: 851–886.
- Chase-Dunn Ch., Hall T. D. 1994.** The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.
- Chase-Dunn Ch., Hall T. D. 1995.** The Historical Evolution of World-Systems. *Protosozologie* 7: 23–34, 301–303.
- Chase-Dunn Ch., Hall T. D. 1997.** *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder, CO; Oxford: Westview Press.

- Christian D. 2004.** *Maps of Time: an Introduction to Big History*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Claessen H. J. M. 2000.** *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden: Research School CNWS, Leiden University.
- Claessen H. J. M. 2004.** Was the State Inevitable? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 72–87. Volgograd: Uchitel.
- Claessen H. J. M., Skalník P. (Eds.) 1978.** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., Velde P. van de (Eds.) 1987.** *Early State Dynamics*. Leiden: Brill.
- Cronk L. 2006.** Intelligent Design in Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 352–353.
- Crumley C. L. 1979.** The Locational Models: An Epistemological Assessment for Anthropology and Archaeology. *Advances in Archaeological Method and Theory* / Ed. by M. Schiffer. Vol. 3, pp. 141–173. New York: Academic Press.
- Crumley C. L. 1987.** A Dialectical Critique of Hierarchy. *Power Relations and State Formation* / Ed. by T. C. Patterson, C. W. Gailey, pp. 155–169. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Crumley C. L. 1995.** Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In Ehrenreich *et al.* 1995: 1–15.
- Crumley C. L. 2001.** Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 19–33. New York etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Crumley C. L. 2005.** Remember How to Organize Heterarchy Across Disciplines. *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology* / Ed. by C. S. Beekman, W. W. Baden, pp. 35–50. Aldershot: Ashgate.
- Dennett D., McKay R. 2006.** A Continuum of Mindfulness. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 353–354.
- Dozhdev D. V. 2000.** Rome (8th–2nd Centuries B.C.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 255–286.
- Dresch P. 1984.** The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen. *Man* 19: 31–49.
- Earle T. 1978.** *Economic and Social Organization of a Complex Chieftdom: The Halelea District, Kiua'i, Hawaii*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Ehrenreich R. M., Crumley C. L., Levy J. E. (Eds.) 1995.** *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Ferguson Y. 1991.** From Chieftdoms to City-States: The Greek Experience. *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology* / Ed. by T. Earle, pp. 169–192. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Fortes M., Evans-Pritchard E. E. (Eds.) 1987 [1940].** *African Political Systems*. London; New York: International African Institute.
- Frantsouzzoff S. A. 1995.** The Inscriptions from the Temples of Dhat Himyam at Raybun. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 25: 15–27, tables I–II.
- Frantsouzzoff S. A. 1997.** Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybun. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 27: 47–62.
- Frantsouzzoff S. A. 2000.** The Society of Raybun. In Kradin *et al.* 2000: 258–265.
- Fuentes F. 2006.** Evolution is Important but It Is Not Simple: Defining Cultural Traits and Incorporating Complex Evolutionary Theory. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 354–355.
- Führer-Haimendorf C. 1962.** *The Apa Tanis and Their Neighbours*. London; New York: Routledge and Kegan Paul.
- Gluckman M. 1987 [1940].** The Kingdom of the Zulu of South Africa. *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard, pp. 25–55. London: Oxford University Press.
- Goldman I. 1970.** *Ancient Polynesian Society*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Grinin L. E. 2000.** Politogenesis: General and Lateral Branches. In Bondarenko, Sledzevski 2000: 51.
- Grinin L. E. 2002a.** *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation*. Volgograd: Uchitel.

- Grinin L. E. 2002b.** General Context of the Social Evolution at the Early State Formation. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations* / Ed. by D. D. Beliaev, D. M. Bondarenko, S. A. Frantsou-zoff, pp. 86–87. Moscow: IAF RAN.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1(1): 131–176.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.
- Grinin L. E. 2004b.** Early State and Democracy. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 419–463. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2004c.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2007a.** Alternativity of State Formation Process: The Early State vs. State Analogues. *Third International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations", June 18–21, 2004, Moscow. Selected Papers I: Alternativity in Cultural History: Heterarchy and Homoarchy as Evolutionary Trajectories* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. A. Nemirovskiy, pp. 167–183. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Grinin L. E. 2007b.** The Early State Analogues. *Social-Natural History: Selected Lectures of I–XVI Schools "Human Being and Nature: Problems of Social-Natural History" (1992–2007)* / Ed. by E. S. Kulpin, pp. 77–105. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E. 2007c.** Production Revolutions and the Periodization Of History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 77(2): 150–156.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. E., Carneiro R. L., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (Eds.) 2004.** *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2006.** Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. de Munck, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2009.** The Epoch of the Initial Politogenesis. *Social Evolution & History* 8(1): 52–91.
- Hallpike C. R. 1986.** *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon.
- Irons W. 1979.** Natural Selection, Adaptation, and Human Social Behavior. *Evolutionary Biology and Human Social Behavior. An Anthropological Perspective* / Ed. by N. A. Chagnon, W. Irons, pp. 4–39. North Scituate, MA: Duxbury Press.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kelly D., Machery E., Mallon R., Mason K., Stich S. P. 2006.** The Role of Psychology in the Study of Culture. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 355.
- Kincaid H. 2006.** Evolutionary Social Science beyond Culture. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 356.
- Knudsen T., Hodgson G. M. 2006.** Cultural Evolution is More than Neurological Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 356–357.
- Kobishchanov Yu. M. 2000.** The Community-Caste Systems. In Bondarenko, Sledzevski 2000: 63–64.
- Koloss H.-J. 1992.** Kwifon and Fon in Oku. On Kingship in the Cameroon Grasslands. *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa* / Ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss, pp. 33–42. Maas-tricht: Foundation Kings of Africa.
- Korotayev A. V. 1995a.** *Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and the Sabaean Culture*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Korotayev A. V. 1995b.** Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin, Lynsha 1995: 60–74.

- Korotayev A. V. 1996.** *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Korotayev A. V. 2000a.** The Chieftdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1st and 2nd Millennia A.D.) In Kradin *et al.* 2000: 242–257.
- Korotayev A. V. 2000b.** North-East Yemen (1st and 2nd Millennia A.D.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 191–227.
- Korotayev A. 2003a.** Christianity and Democracy: A Cross-Cultural Study (Afterthoughts). *World Cultures* 13(2): 195–212.
- Korotayev A. 2003b.** Unilineal Descent Groups and Deep Christianization: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-Cultural Research* 37(1): 132–156.
- Korotayev A. 2004.** *World Religions and Social Evolution of the Old World Oikumene Civilizations: A Cross-cultural Perspective.* Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press.
- Korotayev A. V., Bondarenko D. M. 2000.** Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison. *Cross-cultural Research* 34: 190–208.
- Korotayev A. V., Kradin N. N., de Munck V., Lynsha V. A. 2000.** Alternatives of Social Evolution: Introductory Notes. In Kradin *et al.* 2000: 12–51.
- Kottak C. P. 1980.** *The Past in the Present; History, Ecology and Cultural Variation in Highland Madagascar.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Kowalewski S. A. 2000.** Cyclical Transformations in North American Prehistory. In Kradin *et al.* 2000: 177–187.
- Kradin N. N. 2000a.** The Hsiung-Nu (200 B.C. – A.D. 48). In Bondarenko, Korotayev 2000: 287–304.
- Kradin N. N. 2000b.** Nomads, World-Empires, and Social Evolution. In Kradin *et al.* 2000: 274–288.
- Kradin N. N., Bondarenko D. M., Barfield T. J. (Eds.) 2003.** *Nomadic Pathways in Social Evolution.* Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies RAS.
- Kradin N. N., Korotayev A. V., Bondarenko D. M., de Munck V., Wason P. K. (Eds.) 2000.** *Alternatives of Social Evolution.* Vladivostok: FEB RAS.
- Kradin N. N., Lynsha V. A. (Eds.) 1995.** *Alternative Pathways to Early State.* Vladivostok: Dal'nauka.
- Levy J. E. 1995.** Heterarchy in Bronze Age Denmark: Settlement Pattern, Gender, and Ritual. In Ehrenreich *et al.* 1995: 41–53.
- Lewis H. S. 1981.** Warfare and the Origin of the State: Another Formulation. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 201–221. The Hague: Mouton.
- Lozny L. 2000.** Social Complexity: Necessity or Chance? In Bondarenko, Sledzevski 2000: 79–80.
- Lyman R. L. 2006.** Cultural Traits and Cultural Integration. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 357–358.
- Lynsha V. 1998.** From Chieftdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100. In Butovskaya, Korotayev, Khristoforova 1998: 99–100.
- Mann M. 1986.** *The Sources of Social Power.* Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
- McIntosh S. K. 1999.** Pathways to Complexity: An African Perspective. *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa* / Ed. by S. K. McIntosh, pp. 1–30. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Mende W., Wermke K. 2006.** A Long Way to Understanding Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 358–359.
- Mesoudi A., Whiten A., Laland K. 2006.** Towards a Unified Science of Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 329–383.
- Mudar K. M. 1999.** How Many Dvaravati Kingdoms? Locational Analysis of First Millennium AD Moated Settlements in Central Thailand. *Journal of Anthropological Archaeology* 18: 1–28.

- Mulder M. B., McElreath R., Schroeder K. B. 2006.** Analogies are Powerful and Dangerous Things. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 350–351.
- Mulvaney J., Kamminga J. 1999.** *Prehistory of Australia*. Sydney: Allen and Udwin.
- O'Brien M. J. 2006.** Archaeology and Cultural Macroevolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 359–360.
- Pagel M. 2006.** Darwinian Cultural Evolution Rivals Genetic Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 360.
- Palat R. A. 1987.** The Vijayanagara Empire. Re-integration of the Agrarian Order of Medieval South India, 1336–1565. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. Claessen, P. van de Velde, pp. 170–186. Leiden: Brill.
- Patterson Th. C., Gailey C. W. (Eds.) 1987.** *Power Relations and State Formation*. Washington, D.C.: American Anthropological Association.
- Pomper P., Shaw D. C. (Eds.) 2002.** *The Return of Science. Evolution, History, and Theory*. Boulder, CO: Rowman & Littlefield.
- Possehl G. L. 1998.** Sociocultural Complexity without the State: The Indus Civilization. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus, pp. 261–292. Santa Fe, NM: School of American Research Press.
- Quigley D. 1999.** *The Interpretation of Caste*. New Delhi: Oxford University Press.
- Read D. W. 2006.** Cultural Evolution is not Equivalent to Darwinian Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 361.
- Reader S. M. 2006.** Evo-devo, Modularity, and Evolvability: Insights for Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 361–362.
- Ritter E. A. 1955.** *Shaka Zulu: The Rise of the Zulu Empire*. London: Longmans, Green.
- Sahlins M. D. 1960.** Evolution: Specific and General. *Evolution and Culture* / Ed. by M. D. Sahlins, E. R. Service, pp. 12–44. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Sahlins M. D. 1972 [1958].** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle; London: University of Washington Press.
- Schaedel R. 1995.** The Temporal Variants of Proto-State Societies. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 47–53. Vladivostok: Dal'nauka.
- Seaton L. 1978.** *The Early State in Hawaii. The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 269–287. The Hague: Mouton.
- Service E. R. 1971 [1962].** *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. 2nd ed. New York: Random House.
- Shnirelman V. A. 1994.** *Cerchez le Chien: Perspectives on the Economy of the Traditional Fishing-Oriented People of Kamchatka. Key Issues in Hunter-Gatherer Research* / Ed. by E. S. Burch Jr., L. J. Ellanna, pp. 169–188. Oxford: Clarendon Press.
- Sopher B. 2006.** A Unified Science of Cultural Evolution should Incorporate Choice. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 362–363.
- Spencer H. 1972 [1862].** *On Social Evolution*. Chicago, IL: Aldine.
- Tainter J. A. 1990.** *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tambiah S. J. 1977.** The Galactic Polity: The Structure of Traditional Kingdoms in Southeast Asia. *Annals of the New York Academy of Sciences* 293: 69–97.
- Tambiah S. J. 1985.** *Culture, Thought, and Social Action: An Anthropological Perspective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tardits C. 1980.** *Le royaume Bamoum*. Paris: Colin.
- Tehrani J. 2006.** The Uses of Ethnography in the Science of Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 363–364.
- Thierry B. 1990.** Feedback Loop between Kinship and Dominance: The Macaque Model. *Journal of Theoretical Biology* 145: 511–521.

- Townsend J. B. 1985.** The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms. In Claessen *et al.* 1985: 141–155.
- Tuden A., Marshall C. 1972.** Political Organization: Cross-Cultural Codes 4. *Ethnology* 11: 436–464.
- van der Vliet E. Ch. L. 1987.** Tyranny and Democracy. The Evolution of Politics in Ancient Greece. *Early State Dynamics* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, pp. 70–90. Leiden: Brill.
- van der Vliet E. Ch. L. 2005.** Polis. The Problem of Statehood. *Social Evolution & History* 4(2): 120–150.
- Wallerstein I. 1974.** *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press.
- Wallerstein I. 1979.** *The Capitalist World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. 1987.** World-Systems Analysis. *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J. H. Turner, pp. 309–324. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wimsatt W. S. 2006.** Generative Entrenchment and an Evolutionary Developmental Biology for Culture. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 364–366.
- Woodburn J. C. 1972.** The Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications. *Man, Settlement and Urbanism* / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham, G. W. Dimbleby, pp. 193–206. London: Duckworth.
- Woodburn J. C. 1979.** Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania. *Politics in Leadership: A Comparative Perspective* / Ed. by W. A. Shack, P. S. Cohen, pp. 244–266. Oxford: Clarendon Press.
- Woodburn J. C. 1980.** Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past. *Soviet and Western Anthropology* / Ed. by E. Gellner, pp. 95–117. London: Duckworth.
- Woodburn J. C. 1982.** Egalitarian Societies. *Man* 17: 431–451.
- Woodburn J. C. 1988a.** African Hunter-Gatherer Social Organization. Is it Best Understood as a Product of Encapsulation. *Hunters and Gatherers*. Vol. 1. *History, Evolution and Social Change* / Ed. by T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn, pp. 31–64. Oxford: Berg Publishers.
- Woodburn J. C. 1988b.** Some Connections between Property, Power and Ideology. *Hunters and Gatherers*. Vol. 2. *Property, Power and Ideology* / Ed. by T. Ingold, D. Riches, J. Woodburn, pp. 10–31. Oxford: Berg Publishers.
- Yoffee N. 1993.** Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s.) *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* / Ed. by N. Yoffee, A. Sherratt, pp. 60–78. Cambridge: Cambridge University Press.